

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Ирины Сыромятниковой
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

**РАЗРУШИТЕЛИ
ЖИТИЕ МОЕ
АЛХИМИК С БОЕВЫМ ДИПЛОМОМ**

Ирина СЫРОМЯТНИКОВА

АЛХИМИК С БОЕВЫМ ДИПЛОМОМ

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С95

Серия основана в 2004 году
Выпуск 397

Художник
В. Бабкина

Сыромятникова И. В.

С95 Алхимик с боевым дипломом: Фантастический роман.—
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 377 с.:
ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1085-9

Что главное в жизни студента? Конечно, диплом! На что только не пойдешь, чтобы получить заветную бумажку. Вот только во что превращается дипломная практика, если по бумагам ты одновременно алхимик и маг, словами не опишешь. Простая бумага таких слов просто не выдержит. Впрочем, разве можно утрашить трудностями выходца из Краухарда? Да никогда! Главная проблема — потом найти применение такому диплому.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1085-9

© Сыромятникова И. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

С рождением мне повезло, причем невероятно. Во-первых, я родился в правильное время, во-вторых — в правильной стране, и никто меня не убедит в обратном.

На что мог рассчитывать нищий сирота при королях? В лучшем случае на место возницы без собственной лошади. И никого не волновало бы, что в мальчишке пропадает великий боевой маг — в Краухарде таких фруктов пятеро на дюжину, а обучение ворожбе денег стоит. Да и не дошло бы дело до обучения: за ритуал Обретения Силы тоже требовалось платить, — дядя Гордон не потянул бы его в одиночку. Народ отдавал колдунам дикие деньги, плевался, но на то, чтобы наплодить патриархам конкурентов, коллективного разума властей не хватало. В наше время единственное, что требуется от черного мага, чтобы проявить свой талант, — это желание. Цены упали, но потребность в магии даже возросла, так что приличный чародей всегда будет иметь уважение.

Впрочем, волшебство до некоторых пор меня интересовало чисто теоретически — мной двигала другая страсть.

Из всех известных мне стран только в Ингернике алхимики ценятся дороже магов. В Каштадаре алхимию поддерживают, а у нас она везде: и в городе, где шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на автомобиль или станцию чугунки, и в деревне, где ушлые селяне быстро раскусили, что трактор с мотором на масле в страду всяко надежнее, чем тупая скотина. А то, что чад и дым коромыслом, так это пускай белые маги переживают, им дай волю — все будут ездить на волах. О чем говорить, если даже в задрипанной краухардской деревеньке имелся машинный двор, навсегда и полно-

стью захвативший мое внимание? В восемнадцать лет я покинул Сумеречный Край, чтобы обучаться высокому ремеслу алхимии (между прочим, за государственный счет, а это не каждому предлагают!). В тот момент магия в моих жизненных планах не фигурировала вообще, а жизнь виделась простой и понятной. Но, по-видимому, у кого-то из предков было на этот счет другое мнение.

Волшебство вошло в мою жизнь явочным порядком без всяких замысловатых ритуалов, просто... оп. Большая удача, что в тот момент никто не помер! Виноваты в произошедшем были представители властей (надеюсь, капитану Беру икалось), а расхлебывать последствия предстояло мне. Поначалу истинных масштабов проблем, создаваемых магическим талантом, я не понимал (молод был, неопытен). Ну, угробил лето на обуздание новых возможностей, пусть. В магии пришлось записаться, на университетский курс (учебная нагрузка возросла вдвое). Зато у меня наконец-то появились деньги (восхитительное ощущение!), пусть и заработанные не вполне законным путем. Кому плохо от того, что бедный студент гоняет нежитей из фермерских амбаров? Заказчики-то довольны, а про такую штуку, как лицензия, селяне и слыхом не слыхивали. Надо было сразу понять, что в жизни черного мага счастливых совпадений не бывает, но каждый умник всегда уверен, что страшные истории рассказываются не про него.

Первым звончком стал пес-зомби, случайно созданный мной во время изгнания банды зловредных гоулов (за такие фокусы можно и на костер угодить). Потом была странная смерть дяди, его не менее странное наследство и тесное знакомство с нежитем, про которого самые свирепые боевые маги могут сказать только: «О-о!» Зараза по имени Шорох изгнанию не поддавалась, испытывала нездоровое влечение к мозгам волшебников и демонстрировала зачатки морали (что для потустороннего феномена совершенно нереальная вещь). Я проникся (честно!) и твердо решил сосредоточиться на алхимии, начисто завязав с ворожкой (был повод — приятель сосватал отличную работу). Поздно спохватился. Следом за общительным нежитем в мою жизнь величественно вошел НЗАМИПС, контора, задачей которой было

раздавать люлей всем связанным с волшебством (и магам, и потусторонним существам — поровну). В качестве слабого утешения дело закончилось не цепями, а всего лишь появлением двух начальников: старшего координатора региона Сатала и все того же капитана Бера.

Набросились, понимаешь, как волки. Ненавижу...

Причем кипение страстей заметно со стороны, потому что мисс Кевинахари регулярно втирает мне, как важна работа по контролю за магией, которой занимается надзор (эмпатов вообще хлебом не корми — дай человеку в душу залезть). Впрочем, ей за такую убежденность в НЗАМИПС деньги платят. А как быть мне? Благодаря какому-то жульническому трюку, суть которого от меня ускользнула, я теперь являюсь сотрудником этой конторы, внештатным и бесплатным (черный из Краухарда работает задаром: узнают — засмеют). И первое, что сделала эта во всех отношениях достойная организация, — превратила мой заслуженный новогодний отпуск в командировку. Нет, поймите правильно, я все равно бы сделал то, что сделал: под угрозой оказался мой брат (для черного быть старшим не просто слова). Но одно дело — расследовать странности Михандрога добровольно, а другое — быть официально посланным.

Денег за это мне, естественно, не дали. Ненавижу!

Я не роптал: черные ничего не боятся, но выгоду свою различать умеют. Пять лет добровольно-принудительных работ были вполне приемлемой ценой за запрещенное колдовство и тройное убийство (хотя, если учитывать личности убитых, мне за него медаль полагается). Нужно быть кротким и послушным (тьфу ты, грех какой!) и как-нибудь пережить это огорчение. Но стоит контракту закончиться, только меня и видели.

Часть первая ФАКУЛЬТАТИВЫ

И это тоже пройдет.

Изречение философа

Если тебе кажется, что все закончилось,
ты — покойник.

Практическое наблюдение

ГЛАВА 1

После возвращения из злосчастной командировки я с удивлением обнаружил, что жизнь стала серой. Тихой. Практически два месяца ничего не происходило, а лекции и зачеты почему-то перестали удовлетворять моему понятию о происшествиях. Нет, я не верю в интуицию практикующих магов, просто тишина казалась мне какой-то лживой. Мисс Кевинахари считала, что все дело в нервном истощении, и рекомендовала мне пить сиамский чай (без молока и сахара), а также утверждала, что мне не хватает общества. Я соглашался, но не до такой степени, чтобы пожелать возвращения в Михандров. В принципе можно было отшить ее, но зачем? Иметь дело с эмпатами легко, если не задумываться, кто они такие.

Наверное, развеять меланхолию было бы проще, если бы я имел возможность похвалиться своей ролью в спасении «городка блаженных». Увы, подтвердить слова мне было бы нечем. Где-то далеко на юге журналисты гремели костями Сигизмунда Салариса, хай стоял до неба, но мое имя ни разу не упоминалось, для всех я оставался безликим эмиссаром из Редстона, не то белым, не то черным, не то вообще перевербованным Искусником (и кому это в голову пришло?). Лейтенант Кларенс писал (не спрашивайте меня, откуда он узнал адрес), что приказ об анонимности исходил лично от

господина Акселя, а ссориться с ним ни у одного здравомыслящего человека желания не было (то, что он заткнул всех этих белых, уже о чем-то говорит). Это был старейший региональный координатор, мне он годился даже не в отцы, а в прадеды и характер имел тяжелый, как и полагалось черному магу старой закваски. Кроме того (этим меня порадовала Кевинахари), Аксели и Тангоры, скажем так, не всегда ладили. Представляете себе последствия дуэли черных магов? Пять минут сомнительной славы не стоили такого беспокойства.

Ну и фиг с ней!

А в Редстоне царили грязь и скука. Шел снег, потом дождь, потом снова снег, погода вполне краухардская. По улицам сновали мокрые и почти неотличимые друг от друга горожане, и я ходил среди них на лекции и практикумы, домой и на работу как все — безликий. Тем не менее эта зима была точной копией четырех предыдущих, так что приходилось признать: проблема во мне.

Выяснить отношения с Четвертушкой не удавалось, потому что в знакомые пивные он больше не заходил, драться на людях — себе дорожке, а гоняться за ним по городу было как-то несолидно. Оставалось сосредоточиться на делах, которых и так было до затылка: в университете высшей магии только два экзамена — вступительный и выпускной, но вот как раз второй-то и надвигался на меня неумолимо. Моими сокурсниками постепенно овладевало лихорадочное возбуждение: дело было не в испытании как таковом (не способных к обучению отсеяли еще на первом курсе), скорее — в близости цели. А ради чего толпа недорослей (включая черных и белых) столько лет вкалывала, не жалея сил? Глухой вопрос! Ради получения диплома, конечно.

Диплом. Венец пятилетних трудов, последний штрих, превращающий школяра в почтенного мастера. Одновременно — финал бесшабашной юности и первая ступень будущей карьеры. Символ статуса (для черных — абсолютно необходимая вещь!). Эту бумажку с зачарованными печатями университета мне предстояло пронести через всю жизнь, и я желал, чтобы записи, которые преподаватели сделают туда, соответствовали моим представлениям о собственной

гениальности. Небрежность в таком деле совершенно недопустима! Нужно было выбрать тему преддипломной практики (и место, где ее проходить), надумать подходящий список литературы (без него работа будет выглядеть смешно) и уточнить, какие вопросы модны в этом году у экзаменаторов (экзамены сдают не до, а после успешной демонстрации практических навыков). За алхимию волноваться не приходилось: ее я мог начать излагать в любое время, с любого места и практически по любому профилю. Помимо прочего, декан алхимиков питал ко мне слабость и готов был засчитать за практику мою работу в «Биокине», а в качестве диплома желал видеть сравнительный анализ работы газогенераторов разных типов (ну, любопытный он, любопытный). Но вот со второй моей специализацией были кранты.

Всю глубину попадалова я поначалу искренне не понимал, в конце концов, бодяга с черной магией была затеяна исключительно из-за моего стихийного Обретения Силы. Ну да, одно время мне удавалось неплохо на этом зарабатывать, но, как только дело вошло в русло закона, денежный поток резко иссяк. В результате передо мной встал вопрос, никогда ранее меня не беспокоивший: каким именно черным магом я желаю стать?

Карьера чистильщика всерьез не обсуждалась — эта публика у меня уже в печенках сидела. Можно было пойти по части искательства неживых предметов: кладов, родников, утечек газа, проводов под штукатуркой, в конце концов. Белые тоже умеют это делать, но не так хорошо и избирательно, а далеко не всякому клиенту нужно найти под землей слона. Вот только искатель с университетским дипломом — курьез, недостойный обсуждения, в этом деле все построено на инстинкте, и обычно подобным занимаются выпускники ремесленных училищ, часто даже не прошедшие Обретение.

Более перспективным выглядел «диктат воли», а проще — управляющая магия. Ни одно потенциально опасное алхимическое устройство (от токарного станка до паровой турбины) не будет поставлено в цех, если на нем не висит парочка проклятий, предохраняющих работающих... от все-

го. Мало ли что можно придумать? Вон, на моем мотоцикле весь двигатель поставлен на магическое управление. При чем заклятия «диктата воли» бывают трансмастером в редчайших случаях, а значит, без черного мага при их установке не обойтись.

Еще более актуально было построение всевозможных защит — шикарно денежное дело, хотя и конкуренция в нем нехилая. Пусть нежитью занимается НЗАМИПС, но в Редстоуне почти на каждой двери стоял замок с упрямой черномагической начинкой, потому что обычные механизмы воры вскрывали практически ногтем. А сейфы, а дома состоятельных граждан? Синекура для магов с замедленной реакцией: две недели нудного зачаровывания печатей, потом тридцать секунд на активацию — и деньги в кармане. Ходишь раз в год и проверяешь, не надо ли обновить проклятие, естественно не бесплатно. Хорошо!

Поворочав мозгами и помедитировав над кружкой пива, я нашел задачу, идеально объединяющую два самых перспективных направления, — оберег на автомобиль. Никаких врезных замков или дурацких поворотных замыкателей: двигатель просто не заводится до тех пор, пока в гнездо не будет вставлен специальный амулет, который надо непременно сделать трансмастером. С этой гениальной идеей я и заявился к Ракшату, тот немного помялся и сообщил, что тему диплома будет выбирать за меня господин старший координатор и с этим придется смириться. Надо ли объяснять, что эта новость меня немного взволновала?

С каких это пор надзор лезет в учебный процесс?!!

Я пошел шуметь в администрацию университета, и тут вдруг выяснилось, что мистер Даркон, наш несгибаемый проректор, перед Саталом буквально благоговел: то ли знал о нем что-то этакое, то ли правильно оценивал боевой потенциал. Мне было заявлено, что иметь такого наставника — высокая честь и большая ответственность и никого не волнует, что она мне ни в зуб не сдалась. Я вспылел и решил совсем отказаться от звания волшебника, но Ракшат объяснил, что для подтверждения этого придется собирать городскую аттестационную комиссию, а ни один черный Редстоуна меня не поддержит, ибо — Сатал. Как координатору уда-

лось подмять под себя толпу бесстрашных и свободолюбивых черных магов, оставалось загадкой, однако связываться с ним из-за какого-то краухардца никто не желал. Проклятые горожане! Круг замкнулся.

Я был зол, я бесился и раскокал мраморную кафедру в лектории факультета, защищенную магией в пять слоев (до сих пор не пойму, как это получилось). Я клялся, что изведу Сатала и весь его род до седьмого колена, — Ракшат обещал носить мне на могилку цветы. Мы выпили по маленькой (с преподам, офигеть!) и быстро сошлись на том, что нынешний Большой Босс — буйный псих с манией преследования, помешанный на теории заговоров. Мир без него станет только чище! Но для всех будет лучше, если поразит его сам господь бог, так сказать, персонально. Бога какой именно конфессии мы хотим видеть в качестве мстителя, нам решить не удалось — на шум прибежал декан и всех выгнал.

В итоге, если раньше занятия черной магией казались мне просто утомительными, то теперь они начали вызывать раздражение. Что и как я буду сдавать?! И кому? «Боевые проклятия» — тема, по которой топтались поколения волшебников, ничего нового там не будет изобретено еще тысячу лет, военная кафедра выдает дипломы исключительно практикам, за боевые заслуги.

Наконец после долгого отсутствия из столицы вернулся Сатал. Добрейший наставник посмотрел на мою кислую физиономию, выслушал горькие упреки, потом отволоч меня в спортзал и цивилизованно поколотил. Я рассвирепел и врезал ему по яйцам (непобедимый краухардский прием), а потом сбегал домой в чем был (в трусах и майке по морозу — хорошо!). К следующей среде Кевинахари успела так обработать координатора, что вслух об инциденте он не вспоминал, но настойчиво предлагал дать мне пару уроков борьбы. Я вежливо отнекивался: мои причиндалы были мне еще дороги. В итоге любимый учитель решил, что теории с меня довольно, и отправил на полигон отдела устранения, практиковаться.

И тишина закончилась, прах ее побери.

Утро (семь утра!), воскресенье (выходной!), холодно, накрапывает дождь. На трижды перепаханных дюнах неболь-

шого острова (а где еще может быть находиться полигон для боевых магов?) стоят пятеро новобранцев-чистильщиков и капрал-инструктор с такой харей, что просто «мама, где мои тапки!».

С каких пор я новобранец? А с каких пор это кого-то интересует? Занятия идут с семи до одиннадцати (четыре часа), значит, четыре выходных в месяц у меня будут гарантированно заняты. И это если мне удастся проявить твердость и не дать Саталу записать меня на полный курс.

— Бойцы! — Голос у инструктора такой, что в любой точке острова было слышно без всякой усиливающей магии. — Молодая опора Ингерники!!! Сегодня вы вступаете на тернистый путь! Суровые испытания ждут вас на этом пути. Некоторые погибнут!! Но не посрамят честь боевого мага!!!

Воодушевляющее начало...

Я слушал и пытался понять: почему воскресенье? Неужели капралу так нравится его работа? Потом сообразил, что во все остальные дни здесь, должно быть, гоняют кадровых чистильщиков для возобновления навыков, а боевой маг на жалованье нипочем не выйдет на работу в свой выходной. Если новичков законопачивают на утро воскресенья, значит, Сатал всерьез намерен привести в форму своих подчиненных. И меня в их числе...

— Тангор!!! — рявкнул капрал таким голосом, от которого любой белый остался бы зайкой. — Ты чем занят?!

— Я слушаю, сэр, — с готовностью доложил я, ощущая острое дежавю.

— Тогда отвечайте, мистер Умник, — он упер в меня толстый, как сарделька, палец (схватит за плечо — убью!), — первое действие при столкновении с потусторонним феноменом?

— Определить, что за феномен? — осторожно предположил я, стараясь не обращать внимания на близость уродливой хари.

Мои собратья по оружию дружно захихикали.

— Молчать!!! — гаркнул капрал, и даже у меня сердце екнуло. Зачем же так орать-то? — Единственно правильный ответ! Встречается на удивление редко!!!! А зря-я-я...

От этого последнего «я-я-я» у меня по спине поползли

мохнатые гусеницы. Я-то, дурень, фырчал на мистера Ракшата — интеллигентнейшего мага с университетским образованием! За будущее Ингерники можно не волноваться: человек, способный довести до дрожи черного из Краухарда, должен быть непобедимым воином. Или у меня просто нервы шалят? Нет, вон сосед слева тоже побледнел, как зомби. Двое справа тревожно переглядываются, не иначе, сговариваются бежать. Ха! Катер уже ушел, а с берегом остров соединен разводным мостом, который, естественно, уже подняли. У этого отморозка все схвачено — ученикам не скрыться!

Дальше начались собственно занятия. Полигон оглашали вопли «Дангемахарус!», раздавались матюги инструктора и треск молний — начинающие чистильщики демонстрировали свои способности на созданных при помощи черной магии имитаторах. Сложносочиненные предложения капрал произносить не умел, а ему это и не нужно было: выпускников университета среди курсантов не было (кроме меня, естественно). Остальные четверо новобранцев были типичными по нынешним временам черными — в меру нахальными и условно образованными. Если бы не влияние дяди Гордона, я вполне мог оказаться одним из них. Ритуал Обретения Силы они проходили в каком-нибудь провинциальном училище или армейской учебке, а слова «высшая магия» произносили с легкой запинкой. Зубодробительные тонкости теории были пацанам неинтересны, учили их по методу непобедимой кувалды — чем проще, тем лучше. Вполне рабочий принцип, если вспомнить, как я умудрялся калымить с одним-единственным отработанным проклятием. От капрала требовалось отшлифовать рефлекс новичков, а также уберечь их от самых распространенных ошибок, не объясняя, что именно они делают не так. Избыток знания рождает печали, так сказать.

Вот это и есть хваленая боевая магия, которую все черные так нежно любят. Пофиг мозги, пофиг понимание, главное — иметь канал помощнее и реакцию получше, все остальное дорабатывается по месту в ходе практики. И вот теперь меня (меня!) пытаются законопатить до уровня деревенской гопоты. Не дамся!!!

Шум, суета и примитивность задачи наводили на меня невероятную тоску, а имитирующие нежить тренажеры вызвали только глупый смех. Обычные люди разницу между черным проклятием и потусторонним феноменом не видят, и совершенно зря. Это как пчелиный рой и лесопилка: то и другое жужжит, но притом одно (если будешь неосторожен) развалит тебя на две аккуратные части и обезвреживается железным дрынном, а где тот рубильник, которым можно отключить атакующих пчел? Все созданное человеком несет на себе отпечаток его ума, и бороться с заковырыстыми знаками оказывалось не в пример проще, чем с примитивным, но чуждым всему живому чудовищем. Однако привезти на полигон нежить было невозможно (разве что гуля и потом бегать от него), потому что заигрывания с вражьей силой всегда заканчивались плохо. Да и зачем? Курсанты орудовали маркерами, размечая на песке здоровенные пентаграммы (строго по инструкции), а я халтурил — выкладывался ровно настолько, чтобы отключить имитатор, реальным нежитям мои проклятия были бы по барабану. Но вдруг поймал внимательный взгляд инструктора и запаниковал: замутил что-то настолько умопомрачительно-разрушительное, что Ракшату от одной мысли об этом тошно стало бы. Короче, бабахнуло так, что деревья на берегу закачались.

— Тангор!!! — прорычал капрал, отплеываясь от песка (крепкие здесь, однако, береги).

— Виноват! — пискнул я, стараясь, чтобы воронка осталась между мной и инструктором.

Четыре часа мы развлекались от души, а под конец капрал мрачно пообещал, что в следующий раз научит нас уму-разуму. Четверо курсантов пошли на пристань ждать катер, а я отправился к мосту. Естественно, что в такую рань приехать сюда из города можно было только на мотоцикле, в противном случае мне пришлось бы вставать на час раньше — служебный катер ходит на полигон по расписанию. Дождь не прекратился и даже стал сильнее. Весна пришла, едрить ее налево! Ночью — лед, днем — грязь, перемещаться можно только на дирижабле.

Я выудил из седельной сумки защитные очки и тщатель-

но протер. В принципе на моем мотоцикле есть закли-
нание-рассекатель (это же эксклюзивная модель!), от грязи и
насекомых оно защищает хорошо, но один раз меня занесло
в кусты, и оно «мигнуло» — я чуть не остался без глаз. Не
люблю сюрпризы!

— Тангор, задержитесь на минуту.

За моей спиной стоял капрал, и глаза у него были доб-
рые-добрые. Это меня сразу насторожило.

— Пойдемте со мной!

Я честно рассмотрел вариант сбежать, но мост еще не
опустили, и мне тогда пришлось бы прыгать в воду, а погода
для купания не та.

Мы пошлепали в противоположный от полигона конец
островка, где приютилось несколько деревянных сараев —
служебные помещения. Капрал завел меня в тот, на котором
красовалась табличка «Склад». На грубых деревянных пол-
ках был свален инвентарь: ящики, полные меловых марке-
ров и зеркал, кульки с солью, мотки бечевки, грабли и лопа-
ты, а в холодном, похожем на склеп закутке хранились учеб-
ные пособия: объединенное фомой стекло, паутина Хищного
Эха, гребень водяного закруты. На отдельном столике распо-
ложилась обугленная голова гоула с зубами такого размера,
каких у живых существ просто не бывает. Ага, ага! В потем-
ках я не заметил, когда капрал успел ко мне подобраться, и
ошибку свою осознал, уже оказавшись с заломленными за
спиной руками. Вывернутый локоть жалобно хрустнул. За-
паниковав, я попытался кинуть обидчика через бедро, он
подсек меня и уложил мордой в пол, очень профессиональ-
но. Еще и колено на поясницу поставил!

Чую, будут бить...

— Твоя работа?! — прорычал мне на ухо этот садист, про-
должая выкручивать локоть.

Сказать, что нет?

— О чем думал, а? О чем думал?!!

В тот момент — ни о чем. Это уже потом, на лекции мисс
Кевинахари, мне стало понятно, как крупно я рисковал, из-
гоня нежитя без магической поддержки. Пенка в том, что,
оказавшись без носителя, инфернальная часть гоула начи-
нает делиться, и если в пределах доступности окажутся

пригодные для заселения тела, то вместо одного чудовища вы получите минимум трех, так что своим появлением на свет Макс был обязан неаккуратности прежнего начальника очистки, разменявшего одну большую тварь на парочку поменьше. Конечно, время внетелесного существования феномена очень ограничено, а свежие гули будут слабее старых, но кому от этого легче?

Наверное, пауза в разговоре стала заметной. Капрал еще раз раздраженно ткнул меня мордой об пол и отпустил.

— Моча в голову бьет?!! В герою хочешь?!

Ха! На хрен надо. Даже заподозрив присутствие таких существ, я бы либо просто укатил, посоветовав всем сматываться, либо забаррикадировался бы в доме. Просто у меня не было выбора.

— Да кто же знал, что их днем разбудят!!

— А разницы?!

— А люди?

Вторая пенка в том, что ночью гоулы могли попытаться заселить живых. Белые бы не устояли.

Капрал в сердцах плюнул на пол:

— Точно, герой! Ты хоть представляешь, что такое гоул в теле мага?

Нежить, получившая доступ к каналу Источника? Даже в теории знать о таком не желаю.

— А мертвому мне не пофиг?

Утилизацией моей ожившей тушки занялись бы спешащие на помощь чистильщики, а обитатели поместья были бы мертвы по-любому. Виноватым я себя не чувствовал. Заглянув в мои бесстыжие глаза, капрал еще раз плюнул (верблюдов безгорбый!) и заключил:

— Заниматься будешь по особой программе!

Чего-то подобного я ожидал с самого начала. Главное, чтобы не бокс.

— И скажи Саталу, пусть сделает тебе хранитель.

Я истово закивал, четко осознавая, что даже слова этого в присутствии моего добрейшего наставника не произнесу. Хранитель — это такая примочка профессиональных чистильщиков, знаете, как в сказке: черного мага убивают, и он обращается в пепел. Без меня.

Капрал еще раз заковыристо выругался и велел мне убираться. Повторять ему не пришлось.

В Редстон я возвращался, размышляя о том, что контракт с НЗАМИПС заключен на пять лет, прошло меньше полугода, а ситуация только хуже и хуже. Причем мне ни кроны не заплатили, даже за ту возню с Ведьминой Плешью в Михандрове. Где справедливость? И потом кто-то удивляется, что черные маги не идут на государственную службу.

Пора бить Четвертушку. В конце концов, темная полоса моей жизни началась с предложения поработать на его благо. Вы не подумайте, я не верю во все эти краухардские рассказы про похищенную удачу, но то, что череда неприятностей началась с моей работы в «Биокине», это ведь неспроста... Вдруг, получив с него сатисфакцию, я верну себе часть прежнего везения? Попробовать стоит.

ГЛАВА 2

Если черному в голову что-нибудь втемяшится — пиши пропало. В университет я пришел, надев шмотки попроще, — в трезвом виде Рон был сильным противником, а штопать рубашки у меня получается того, не очень.

Облом. На лекциях Четвертушка не появился. Ну что ж, первый день после выходных, с кем не бывает! Хотя раньше запойного пьянства за Роном не замечалось. Однако на следующий день Четвертушки в университете снова не было. Он что, издевается?! Но предупредить его о моих намерениях мог разве что Шорох, а это было уже из разряда паранойи. Спрашивается, как мне теперь себя вести: начать злиться или вздохнуть с облегчением? И тут мои мысли словно корябнуло — лезть на рожон Шорох опасался, но мнение свое доносил, а заключалось оно в том, что Рон и без меня уже имеет достаточно неприятностей. Интересно каких? Когда нежить с моралью о ком-то беспокоится, это плохой признак.

Я немного подумал, а потом пошел и на большой перемене позвонил на старую квартиру Рона — ключей от своего

нового жилья Четвертушка родственникам не давал, но, что с ним происходит, они знать обязаны.

— Будьте добры Рональда Реста, — очень светским тоном попросил я.

— А кто его спрашивает?

— Это староста его группы, из университета, — и попробуй не поверь.

— Что вам надо?

— Рональда Реста.

— Он заболел, и его сейчас нет дома. Что ему передать?

— Не трудитесь. Я перезвоню в конце недели.

Я повесил трубку и задумался: с некоторых пор мне не нравились разговоры о лечении вне дома. К тому же Рон намекал на знакомство своей матери с сектанткой Мелонс, а идиотизм в позднем возрасте не лечится. У кого бы выяснить, что происходит? И тут я понял, что есть кое-кто, кому может задать парочку вопросов сердитый черный маг.

Найти Сэма было несложно: вечером во вторник заседал исторический клуб, а мелкий гном считался одним из его завсегдатаев. Помнится, узнав об этом, я стал регулярно ходить на собрания и безжалостно критиковать его доклады (сам виноват, нечего зачитывать вслух такие шизофренические тексты), а чтобы меня не поняли превратно, пришлось самому выступить там, рассказав обществу о Белом Халаке, с иллюстрациями и выкладками из теории белой (!) магии. Я ввернул фразу про булку и изюм и имел уважение.

Клуб заседал после окончания занятий в одном из главных лекториев, меня узнали и даже были рады видеть. Темой сегодняшних дебатов было правление короля Гирейна — краткий период расцвета инквизиции, впоследствии дорого обошедшийся Ингернике. Первокурсница с факультета фармацевтики излагала сильно упрощенную версию событий и искренне не понимала, как идею добра можно обратить во зло (девочка была из белых). Я краем глаза наблюдал за Сэмом — мелкий гном был напряжен больше обычного и почти не слушал доклад. Тогда зачем он пришел? Оказалось — ни за чем. Как только началась дискуссия, Сэм встал и направился к двери. Осталось решить, где мне будет удобнее его перехватить. Варианта было два:

мужской туалет в правом конце коридора и кладовка в левом (ее дверь я предусмотрительно отпер). Если появятся свидетели, придется идти за ним на улицу, а там народу еще больше...

Сэм повернул налево. Как только несчастный поравнялся с неприметной дверцей, я рывком догнал его и сгреб за плечи. Со страху он даже не сопротивлялся.

— Привет! — Воспользовавшись нервным параличом, я толкнул его в кладовку и закрыл дверь. Бедняга придушенно взвизгивал. — Я хочу знать, что случилось с нашим общим знакомым, прямо сейчас.

— Не понимаю, о чем вы!

Но глазки-то бегали. Я улыбнулся ему, ласково-ласково. Тусклая лампочка не давала в точности определить цвет его лица, но мне показалось, что он стал зеленым.

— А они предупредили тебя, что невозможно солгать черному магу? — Эти доверительные, мурлыкающие интонации удаются мне лучше всего. — Я имею в виду, настоящему черному магу.

Ну два раза точно невозможно. Сэм попытался спрятаться за швабрами, и это у него почти получилось. Это еще что! Он у меня от черных магов шарахаться будет до конца дней и при этом жидко пачкать.

— Где он?

— Я ничего не знаю!

А ведь и вправду не знает, никто не станет посвящать шестерку в такие серьезные дела. Однако у меня были кое-какие мысли на этот счет... Я очень гадко усмехнулся:

— Ты думал, мне нужны твои откровения? У тебя будет возможность понять, как далеки внушенные тебе идеи от реальности. Сегодня же до исхода дня я верну Рона домой, а у тебя будет шанс подумать, готов ли ты бросить вызов стихии, которая терпит тебя чисто из снисхождения.

Вот так! Я оставил его офигевать в подсобке, уж не знаю, что уж там.

Нет, все-таки не зря капрал возил меня мордой об пол — какой-то недорезанный герой в мою родню определенно затесался. Иначе откуда этот дурной раж? По всему выходило, что Рон угодил в переplet, причем по собственной глупости.

пости. Поделом! Нужно ли мне вмешиваться в его терки с Искусниками? (То, что здесь замешаны они, — к гадалке не ходи, мелкий Сэм мне с первого взгляда не понравился.) Шепнуть кому надо, и пусть надзор с ними разбирается. С другой стороны, неужели я упусти такую картину: «Четвертушке наваяли»?! Тем более что найти Рона мне и вправду несложно, другое дело, что для этого в очередной раз придется переступить через собственную гордость, хорошо хоть свидетелей не будет.

Я забросил удочку туда, где обычно обитал Шорох. «Вылезай, страшилище!» Не выходит, обиделся. «Обещаю не пугать, я сегодня добрый». Кажется, пытается сообразить, что сможет вытянуть из меня в обмен на услугу. «Значит, так, предлагаю первый и последний раз: поможешь найти Рона — я тебя прощу и больше шпынять не буду. Дальнейшее будет зависеть от твоего поведения. Откажешься — пеняй на себя, лучше тебе тогда забыть обо мне». Не знаю, что из моей речи Шорох понял, но выбор я постарался обозначить четко. В моем сознании появилась трудноразличимая еще картинка. Конечно, нежить не имел глаз, а потому «видеть» мог только чисто условно, представленное им изображение было в известной мере реконструкцией, и выглядеть то место могло совсем иначе. Но ориентиры были: опять — река, опять — склады. «Этот берег или другой?» — «Другой». — «Выше или ниже по течению?» — «Ниже». Я постарался воскресить в уме карту города и предместий. «Перед мусорным причалом или после?» — «Перед».

Ну вот, просто, как два пальца...

Я покатал в уме представленный Шорохом образ и решительно отправился к трамвайной остановке, на ходу ощупывая карманы в поисках надзоровского манка и посылая призыв Максу — нужно быть готовым ко всему. Привлекать Сатала к делу без крайней необходимости не хотелось: если господин координатор узнает, что я переборол свое отвращение к нежитю, он заберется мне на голову с ногами. Забавно, но то, что переться на ночь глядя в портовый район немножко глупо, мне в голову как-то не пришло.

Поводов для героизма я немедленно получил по самую маковку.

Во-первых, оказалось, что трамвай не доезжает до нужного склада целый квартал (знал бы, ни за что бы сюда не поехал!). Во-вторых, рельеф мостовой напоминал изваяние краухардского проселка в камне: копыта битюгов успели промять и раздолбить дешевую брусчатку местами на три пальца, хорошо хоть, под ногами не чавкало. Дождь для разнообразия перестал, но грязь осталась. В лицо дышал специфический запах весеннего города — аромат растаявшего снега и всего того, что скопилось в нем за зиму.

Я шагал по лабиринту глухих заборов, старательно лавируя между лужами неизвестной глубины и размышляя над тем, что, собственно, собираюсь делать (вовремя, правда?). У черных не бывает друзей, только знакомые, но мы с Роном были знакомы давно, с первого дня в университете, притерлись друг к другу и умели делать пропуски (а это дорогого стоит). Потом вдруг появляется какой-то мелкий Сэм, и мой приятель с размаху на него вешается. И главное, было бы что в этом задохлике... С чего, спрашивается, Рона потянуло за мной шпионить? А потом прятаться. Он ведь прятался от меня, да? Возможно, у него была на это какая-то причина (не следует мне так много общаться с эмпадами), но гадать о ней черный может до бесконечности. Нам с Четвертушкой следовало серьезно поговорить, и я собирался сделать это прямо сейчас, невзирая на лица.

Увиденное глазами соотносилось с переданным Шорохом образом, скажем так, с трудом: нежить как-то странно «раскрашивал» окружающее по степени своего интереса. Дома, например, сильнее всего различались характером использованной для их защиты магии, люди — степенью общенности к волшебству, прочие индивидуальные черты если и присутствовали, то не улавливались. Таков был именно его взгляд на вещи, а цветные образы и картинки он заимствовал исключительно из чужих мозгов. В итоге нужный мне склад проще всего было опознать по удачной имитации охранного периметра, устроенной вдоль забора (без магии от настоящего не отличишь).

В будке привратника горел свет, но самого сторожа видно не было.

Вот и чудесно!

Я оглядел забрызганные навозом брюки, плюнул и тупо перелез через ворота, обнаружив, что Макс уже ждет меня с другой стороны, грязный до ушей и счастливый. (Опять его купать! Квартирная хозяйка и так уже посматривает на меня косо — на содержание в доме животных у нас уговора не было.) На главных воротах склада висел большой заклый замок, а вот боковая дверь оказалась приоткрыта. Ловушка или недосмотр? Вот так войду, скажу: «Привет!» и тут же получу по куполу, хорошо, если не молотком. Я все-ррез задумался. Не стоит ли мне дать свисток и притащить сюда хваленую команду капитана Бера? А что, если Четвертушка задружился с какой-то компанией (маловероятно, но возможно) и они там сейчас дружно выпивают, а Искусники существуют только в моем воспаленном воображении? Я буду выглядеть круглым дураком! Трусость черным несвойственна, даже осторожность среди нас редкая гостья, но пса-зомби все-таки стоит отправить первым.

Макс проник в здание через духовое окошко под крышей — просто взял и заскочил. Внутри склада было одно огромное помещение, заставленное штабелями ящиков и бочек, и темнота — ни лампочки, ни свечи, окон тоже не было, а если бы и были, — солнце уже ушло за крыши, обещанный Сэму день был на исходе. Обоняние и слух подсказывали псу-зомби, что в темноте прячутся по меньшей мере шесть человек, они напряжены, они ждут, но есть еще кто-то — он явно болен, кисловато-терпкий запах нездоровья буквально пропитал помещение. Опознать заболевшего Макс не мог — Четвертушку он никогда прежде не нюхал.

Вот зараза! Должно быть, Сэм отзвонился своим друзьям и они устроили на меня засаду. Надо было избить его для порядка (чтобы до завтра из больнички не вылезал). Вступаться за какого-нибудь складского сторожа меня не тянуло, но что, если пострадавший все-таки Рон? Шорох зря шуршать не будет.

Что ж, будем действовать как всегда. То есть нахрапом.

Я вошел, плотно прикрыл за собой дверь и отправился в ту сторону, где Макс засек засаду. Сделаем людям приятное! Идти пришлось недалеко: стоило мне миновать какую-то незримую черту, как зажегся свет. Множество элек-

трических лампочек осветили сцену: трое неприятелей передо мной (один держит нож у горла Четвертушки, другой тычет в мою сторону арбалет, третий — босс), еще один арбалетчик стоит в конце прохода справа, и кто-то прячется за ящиками слева (думает, я про него не знаю). Того, что зажигал свет, отсюда не видно. Всякие мысли о том, что Рон находится здесь по собственной воле, отпали: бедняга был в полюбморочном состоянии и ничего вокруг не замечал.

Да, навалили ему по первое число... Я какое-то время постоял, ожидая, что они скажут. Ну допустим, арбалеты мне теперь не страшны — когда кончилось действие блокираторов, я первым делом изучил методы защиты от подобного оружия. Вот только тот тип, что справа, целится не в меня, а в Четвертушку. Защитить себя я смогу (сколько бы нападающих ни было), но защитить еще и Рона от двоих — это выше моих сил. Стоило тащиться сюда, чтобы наблюдать, как его зарежут! Вмешательство Макса ничего не изменит — враги стоят слишком далеко, к тому же псу-зомби придется заняться шестым, который включил свет и теперь осторожно забирается на галерею (то ли у него там оружие, то ли спасается бегством, я не понял его маневр).

— Вот ты и попался, колдун, — возвестил тот, кто выглядел здесь главным.

Я пожал плечами. Ну хочется человеку в это верить!

— Отпустите парня.

— Попробуешь колдовать — и он умрет!

— Он умрет — вам всем конец. Принцип объяснять надо?

Глаза уже привыкли к тусклому свету, теперь мне был отлично виден говоривший — пожилой мужчина с буйной седой шевелюрой, не из магов, но обвешанный защитными амулетами с ног до головы. Дурь, конечно, но от самоучек помогает. Я мог составить плетение, которое ломает его игрушки нафиг, но не мог сделать этого незаметно. Паршивая ситуация.

Главарь Икусников (если это были они) оскалился:

— Это ты убил Учителя Лорана!

Сомнения об Икусниках пропали. Я не стал отрицать очевидного и пожал плечами:

— Он бросил вызов черному магу, мы такое не прощаем.

Кстати, у него тоже была такая штука. — Я кивнул на арбалет. — Но это ему не помогло.

— У нас есть твой приятель, — резонно заметил этот козел. — И мы можем его убить!

— А смысл? Если это будет стоить всем вам жизни?

Я не представлял, как он будет выкручиваться из этой ситуации. Можно было подождать, когда арбалетчики устанут (оружие-то у них тяжелое), можно было дожидаться Макса — он неуклонно приближался к своей жертве, заминка была в том, что зомби надо было лишь слегка придушить человека, а не вырвать ему глотку.

Должно быть, мысль о временном факторе не давала главарю покоя.

— Мы готовы умереть! — объявил он. — А наши соратники сумеют заставить тебя ответить за преступление. Твои хозяева не смогут прикрывать тебя вечно!

Я понял, куда он клонит, и забеспокоился: моих навыков не хватит на то, чтобы проделать все незаметно, а месть за смерть друга совсем не то же самое, что необходимая самооборона, тут Сатал может и не пойти мне навстречу. Таким образом, опосредованно они сумеют-таки мне навредить — попросту выставят уголовником. В толковании закона по отношению к черным суд не знает снисхождения (нам только волю дай, мы все в свою пользу повернем), а значит, вместо нимба героя я получу минимум двадцать лет и Оковы Избавления (уже настоящие). Как я буду выглядеть в глазах Лючика? Если честно, мнение семьи на этот счет волновало меня гораздо сильнее жизни Рона. Вот такой я гнусный, эгоистичный и вообще черный маг.

— Почему ты решил, что мне нужно вас убивать? Вас посадят как убийц, плюс хранение оружия. Считаешь, этого мало?

Но, конечно, сколько-то там лет заключения в обмен на жизнь Четвертушки меня не устраивали чисто из эгоистических соображений — несимметрично как-то. Наверное, это было ясно и Искуснику, он оскалился и бросил в мою сторону какой-то предмет:

— Либо ты выпьешь это прямо сейчас, либо можешь начинать звонить в полицию — твоему дружку конец!

Как это свойственно незнакомым с черными людям, он оценивал мое поведение по себе, наивный. Я уже знал, что в пузырьке: запах у блокиратора очень уж специфический. Да, Рон, ты мне дорог, но собственная жизнь дороже. Утешся, я позабочусь, чтобы эту компанию притравили в тюрьме (есть у меня парочка рецептов — противоядия не существует). Их смерть будет ужасна! Но в тот момент, как я отказался от мысли об убийстве, ситуация предстала передо мной совершенно в другом ключе.

«Эй, чудовище! Вылезай, монстр проклятый!» Шорох испустил волну подозрительного внимания. «Сейчас я попытаюсь нейтрализовать того, что с ножом, а остальные меня прикончат. Если не хочешь, чтобы все твои труды пошли прахом, действуй! Солнечного света здесь нет». Согласие нежитя пришло неожиданно легко, он был не против возможности показать мне себя, так сказать, для пущего страха, а отвращающих амулетов в этой части города не было. «Четвертушку не тронь!» И это пожалуйста. Ну и отлично!

Я улыбнулся в глаза козлу с амулетами, подкинул пузырек на ладони: самое сложное было решиться вот так вот плюнуть на себя. Но лучше умереть, чем позволить Шороху стать свидетелем моего позора! Я глубоко вздохнул и взвинтил Источник, жаром его ярости выбивая из души всякие сомнения. Нож, царапающий горло Четвертушки, рассыпался в пыль, козел, угрожавший его жизни, отлетел в сторону с переломами обеих рук, арбалет у стоявшего справа дзинькнул. Я рванулся вперед, стремясь увести Рона с линии огня: заклинание отклонит стрелу, но не помешает арбалетчику выстрелить снова — заряженных арбалетов у него в запасе три или четыре.

Однако никаких ответных действий от Искусников не последовало, стрела не вонзилась мне в ребра, главарь не заступил мне дорогу, а тот, что прятался слева, не атаковал со спины с заточкой в руках. Я успел подхватить Четвертушку прежде, чем он хлопнулся лбом об пол, а вокруг уже творилось черт-те что. Тусклый свет электрических ламп стал совсем блеклым и дрожал, нет, это дрожал воздух, заполненный черной рябью, словно миллиардом падающих листьев.

Голову будто набили ватой, воцарилась такая глухая тишина, что биения сердца не было слышно, только непрекращающийся шорох, словно ветер заблудился в ветвях. Я рискнул посмотреть на врагов сквозь эту вакханалию теней: они замерли там, где стояли, их глаза были широко раскрыты, а лица искажены ужасом. Черные хлопья закручивались вихрями и летели в них, вливаясь в тела непрерывным потоком. Жертвы Шороха что-то видели — зрачки метались туда-сюда, а мышцы подергивались, но что именно, сказать было невозможно. Хотя, учитывая мой собственный опыт, им можно только посочувствовать: их живыми забрали в ад.

Надо сваливать отсюда. Не то чтобы мне было страшно, но лучше Шороха не дразнить.

Я взвалил Рона на плечи (ох, тяжел боров!) и зашагал к двери, попутно нажал в кармане надзоровский манок (посмотрим, как быстро они среагируют!). Снаружи было уже совсем темно, следом за мной в дверь проскользнул Макс, так и не успевший никого потрепать. Вокруг складов по-прежнему было тихо и пусто. В одном Искусникам не откажешь — умеют они делать все без свидетелей, хотя и не всегда знают что.

Я усадил стонущего Рона на ящики и принялся возиться с веревками (его не только опоили, но и связали), а пса-зомби отослал в гараж (нечего ему мелькать лишний раз перед посторонними). Осталось дожидаться, когда надзор меня найдет.

— Что это было? — бормотал немного оклемавшийся Четвертушка.

— Черная магия, черная магия, — успокаивал я его.

— Они умрут?

— Почему мне знать! — Оставался маленький вопрос, который мне хотелось бы разяснить: — Это они из-за меня тебя взяли, чтобы ловушку сделать?

— Нет. — Четвертушка горько усмехнулся. — Папкины деньги. Им нужны были папкины деньги.

Ах да, конечно! Это более рациональный повод. Я повеселел: значит, все затеяно не ради мести мне. Вот и славно! Кстати, раз он очухался, то можно начинать допрос.

— Зачем ты тогда поперся к управлению?

— Сэм сказал, что ты в надзор за деньги стучишь.

Я не удержался и фыркнул: как же, за деньги! Стрясти что-то с этих жмотов просто нереально.

— А с Сэмом у тебя что?

— Да ничего!! — Четвертушка попытался вскочить, но явно не рассчитал сил и рухнул обратно, осовело хлопая глазами. — Он подлизывался, к друзьям своим зазывал. Я не сразу понял, что это за фрукты.

— Я ж тебе говорил, что от него Искусниками смердит, слушать надо умного человека!

На то, чтобы ругаться, у Рона сил не было, мне даже показалось, что он снова отключился. Вокруг стало тихо и скучно.

Неожиданно Четвертушка дернул меня за рукав:

— Можешь их убить?

— Ты что, меня под трибунал подвести хочешь? Пусть твой папка сам разбирается, когда их посадят.

Если мне память не изменяет, наказание за похищение людей в Ингернике очень суровое. Плюс создание банды, плюс хранение оружия — им хватит, если, конечно, в своем уме останутся.

— Извини.

Если Четвертушка извиняется, значит, он очень болен, а сердиться на увечного — грех.

— Проехали.

Команда быстрого реагирования появилась минут через десять, не в экипаже, а на приземистом полувоенном фургончике, отчаянно чихающем и воняющем спиртом. Старший метнулся ко мне:

— Сержант Квинто. Что происходит?

Я ткнул пальцем в дверь:

— Там шестеро и Шорох. Это Рональд Рест, его похитили.

— Лекаря!

Бойцы в голубом сиянии защитных амулетов ворвались в двери склада. Естественно, Шороха там уже не было. Через пару минут подъехал запряженный битюгами фургон, карета целителей, вокруг начали устанавливать зачарованные светильники, из склада потянулась процессия с носилками. Седой главарь тоненько повизгивал.

— Здесь только пятеро, а где еще один? Вы на антресолях посмотрели?

— Ему потребуется контейнер поплотнее.

До моего сознания дошла тень удовлетворения: нежить не только развлекся, но еще и поужинал. Что он вообще за существо? Я никогда не думал, что потусторонний феномен может вести себя осмысленно, и в книгах о таком не говорилось. В теории нежити способны реагировать на все только ситуационно, с возрастом количество используемых поведенческих схем увеличивалось, но анализировать их и что-то планировать твари все равно не могли, если бы не это, сражаться с ними было бы практически невозможно. Надо поподробнее изучить вопрос, раз мне с этим уникамом до конца дней общаться. Должна же быть от работы в НЗАМИПС какая-то польза!

Тут на меня накатила волна совершенно неожиданных образов — Шорох жаловался на свою жизнь. Оказалось, что из-за всех этих предосторожностей и конспирации ему все труднее найти подходящих для контакта магов. Быстро распадающиеся жертвы его, видите ли, не устраивают — образ получается нечеткий. Ему печально и одиноко, а я веду себя с ним нехорошо — пугаю и обзываюсь.

Тоже мне цаца! Ведь была бы возможность — сожрал бы и не поморщился, а я в его положение входить должен. Перебьется.

Обиделся. Ушел. Офигеть! Нежить с моралью и тонкой духовной организацией.

Слово, данное малявке Сэму, я сдержал, правда, отправился Рон не домой, а в больницу. Ну это мелочи, а суть в другом: совершенное мною действие оказалось прямо противоположным задуманному и избить Четвертушку в ближайшее время у меня не выйдет. Если рассуждать логически, теперь моя жизнь должна была войти в пике...

ГЛАВА 3

До конца недели судьба себя не проявляла, словно нарочно давая мне увериться в безнаказанности, и я от души развлекался чтением редстонских газет. Какая волшебная

травя способна нашептывать такое? Было впечатление, что написанием статей занимаются все те же Искусники, потому что с реальностью безумные тексты имели не больше общего, чем философия сектантов. Осознавать глубину чужого идиотизма было приятно и полезно для повышения самооценки, а то я последнее время сомневаться в себе стал, словно и не черный.

Утром среды почти все таблоиды вышли с передовицами про «очередной провал НЗАМИПС», набранными аршинными буквами (ввиду скудности содержания). У всех статей была одна общая черта — перед сдачей в набор их явно никто не перечитывал, иначе река вышла бы из берегов из-за количества утопившихся от невыносимого стыда, а уж откуда авторы черпали сведения — вообще загадка природы. «Ночной рейд, имеются жертвы. В больницы поступили десятки раненых». Даже чисто логически, скажите: откуда столько народу ночью на складах? Я имею в виду случайного. Или вот перл: «При задержании подозреваемых команда НЗАМИПС применила силу». А что еще они должны были бы сделать? С бубном танцевать? И почти каждая газета считала должным упомянуть, что «среди пострадавших — сын Ричарда Реста». Да если бы не я, он среди этих пострадавших и остался бы! Причем заметьте: пришел, увидел, победил — практически без мордобоя (сам удивляюсь). Впрочем, задевать семейство Рест журналисты опасались, а вот по теме надзора топтались с восторгом. На свет были вытащены все мыслимые и немыслимые претензии, начиная от цензуры массовых мероприятий и заканчивая грехами инквизиции (которая, к слову, белых-то как раз и не гоняла). И это только первый залп!

Я злорадно потирал руки в ожидании репрессий, у меня еще с прошлого раза осталась парочка вопросов к писакам. НЗАМИПС — это вам не одинокого частника пинать, конторой руководит черный маг, свирепый и ужасный, который людей если и не ест, то нет-нет да и надкусит. На мой взгляд, происходящее могло кончиться только массовым побоищем, а если Сатал кого-нибудь пропустит, я обработаю выживших особым ядовитым порошком. Для правого

дела никаких запасов не жалко! Главное, только чтобы любимый учитель и меня до кучи не прибил.

Против всех ожиданий второго залпа не последовало: центральные редстонские газеты охватил необъяснимый прилив здравомыслия (Четвертушка потом признался: его батя объявил редакторам, что не будет оплачивать юристов). Начиная с четверга в статьях резко добавилось фактов и убавилось непонятных претензий, фразу про «неожиданный успех НЗАМИПС» можно списать на глупый юмор, а сентенцию про «свежую кровь, пришедшую со сменой регионального координатора» даже рассматривать как похвалу. «Городской курьер» выдал огромное, на целый разворот, досье на «безвинно пострадавших», как оказалось, седоволосого главара полиция Ингерники безуспешно разыскивала пятый год. Черный финансист Искусников специализировался на молодых наследниках крупных состояний. Предполагаемую жертву осторожно обрабатывали, приглашали погостить или просто похищали, после чего она в кратчайшие сроки становилась фанатичным сторонником учения. Долго ждать наследства сектанты расположены не были: богатые родственники неопита умирали в течение месяца, а все имущество, пригодное для превращения в наличные, стремительно распродалось. Скорость имела значение — очень быстро грубые методы «обработки» давали о себе знать, Искусники исчезали с деньгами, а новообращенный отправлялся в дурдом с неисцелимым расстройством психики.

Я представил себе пускающего слюни Четвертушку и понял, что поступил правильно, несмотря на некоторые непредвиденные последствия. У меня вообще-то гибкая картина мира, но сумасшедший Рон в нее не вписывался никоим образом (мертвый еще туда-сюда, а вот сумасшедший — нет). Осталось выяснить, чем закончится для меня вся эта благодетельность.

Предупрежден — считай, наполовину спасся.

Рассудим здраво: с какой стороны начинающему черному магу может грозить опасность? Из всех возможных угроз мне на ум почему-то приходил только Сатал. Немудрено: Искусники словно задались целью заслужить репута-

цию клоунов, Шорох вел себя скромно, дядину книжку я нигде не засветил и никакие странные личности за мной из подворотен не следили. Мог ли старший координатор обидеться на меня за устроенный в городе шум? С другой стороны, если бы семейство Рест понесло потери, шума было бы гораздо больше. Или он недоволен тем, что в деле снова замешан Шорох? Так нежить в газеты и не попал, все сошлись на том, что один из Искусников был убит при штурме чем-то черномагическим. Тщательно рассмотрев проблему со всех сторон, я решил, что Кевинахари в чем-то права, когда говорит про расшатанные нервы. В общем, наплевать и забыть. Нельзя строить жизнь, основываясь на деревенских суевериях!

В субботу я исхитрился навестить Рона в лечебнице: всегда хотелось посмотреть, как болеют состоятельные люди. Впечатлило. Особенно медицинский персонал. Целительница, которая приходила ставить Четвертушке градусник, имела такую фигуру, что при ее появлении разговор замолкал сам собой. (И это не считая ковров и хрустальной люстры.) Заметно взбодрившийся Рон велел предупредить в университете, чтобы быстро его назад не ждали (я бы из такого места тоже добровольно не ушел). А по возвращении домой консьерж передал мне записку: капитан Бер сообщил, что Сатал хочет видеть меня на полигоне не с утра, а к пяти часам вечера.

Ну передал, и фиг с ним. Казалось бы, о чем тут беспокоиться? Новость-то была скорее положительная.

То, что дело нечисто, я заподозрил только на месте. Там, где проселочная дорога упиралась в мост, перекинутый на остров-полигон через быструю протоку, стоял большой конный фургон военно-медицинской службы. Скучающий возница с жуликоватой физиономией встретился со мной глазами, смутился и больше в сторону моего мотоцикла не смотрел (умный мальчик). Наученный горьким опытом, закатывать агрегат на остров я не стал — средство передвижения могло мне еще пригодиться. Осталось выяснить, в чем сюрприз.

Во-первых, новичков-чистильщиков нигде не ощущалось и не наблюдалось. Во-вторых, на полигоне были посто-

ронние. В-третьих, один из гостей лежал на песке под зеленым армейским брезентом и был по некоторым признакам мертв. Над покойником мило беседовали мои наставники (говорил только Сатал, а капрал молча кивал) и двое прилично одетых господ — средних лет мужчина в чиновничьем сюртуке, с папкой под мышкой и пожилой маг в пижонском клетчатом костюме, с тросточкой. Поправка: не пожилой, а старый, очень старый. Я в первый раз видел черного, который был абсолютно седым, обычно наш брат до последнего сохраняет яркую окраску, а этого человека река времени выполосила дочиста, до белизны. Ростом пониже дяди Гордона (поколение недокормленных предков), сухощавый, но без признаков немощи, дедок уже какое-то время меня разглядывал, и я не к месту вспомнил легенду о костяном драконе, который умел перекидываться в человека.

— А вот и наше молодое дарование, — объявил Сатал, жестом предлагая мне подгребать ближе.

Я подошел. А что, мне от них бегать, что ли?

— Прошу знакомиться — Томас Тангор, весьма широко образованный молодой маг, выпускник Редстонского университета, практик. А это наши столичные гости: мистер Пирсон, куратор отдела криминалистической магии, и господин Чарак, ведущий эксперт.

Так уж получилось, что слово «куратор» в моем понимании однозначно рифмовалось с «инквизитор», тем более что функции они выполняли похожие, а оговорка Сатала про «господина» означала, что ведущий эксперт Чарак вполне мог эту самую инквизицию в натуре помнить. И чего старого перечника в такую даль понесло? Да еще с эскортом. Несмотря на попытку Сатала акцентировать внимание на чиновнике, я отлично понимал, что маг в этой паре главный. Интересно, они покойника с собой принесли или на месте сделали?

— Приятно видеть, что в нашем древнем ремесле не оскудевают молодые таланты, — прозрачно улыбнулся господин Чарак.

Я решил не поддерживать в нем иллюзий:

— Вообще-то я алхимиком собираюсь быть.

— И как успехи? — скептически уточнил он.

— Осенью диплом! — не без гордости сообщил я.

Подобная новость привела старого мага в некоторое недоумение.

— Двойная специализация, — быстро вмешался Сатал (мой наставник немного нервничал), — программой допускается.

— И что же для вас боевая магия, юноша? — немного чопорно поинтересовался дед.

Я пожал плечами и брякнул первое, что пришло на ум:

— Хобби. Люблю, знаете ли, провести время с огоньком!

У капрала забегали глазки, мистер Пирсон печально вздохнул, из чего я заключил, что делаю что-то не так, и начал раздражаться. За пониманием — к эмпатам!

Старый маг поджал губы — явно обиделся на такое легкомысленное отношение к древнему ремеслу.

— В таком случае займемся делом.

Он призвал Источник и с сердитой поспешностью сформировал какое-то экзотическое плетение, невероятно тонкое и вибрирующее, настолько странное в магическом плане, что при взгляде на него мне захотелось чихать. Проклятие упало на зеленый брезент, и под материей что-то лениво заворошилось. Так ведь покойник...

Догадка, посетившая меня, никак не сочеталась с ясным днем и спокойно наблюдающим за этим безобразием куратором.

— Вы некромант. — Я постарался говорить спокойно и не тыкать пальцем.

— Да! — не без гордости согласился дед.

— А я алхимик! — И, прах побери, им придется с этим смириться.

— Диплом ты делаешь у меня, — негромко напомнил Сатал.

— А защищать буду в каталажке! Воздействие магией на тела людей с целью имитации жизни — семь лет каторги, Оковы Избавления и пожизненный надзор.

— Нет, нет, — встрепенулся чиновник, — все санкционировано. Ознакомьтесь!

Он вытянул из папки лист гербовой бумаги и протянул мне, я пробежал глазами строчки.

— Принудительная анимация? — Это же надо так называть! — Но здесь нет моего имени.

— А фиг ли? — не удержался от реплики капрал.

— Фиг! Отпечаток ауры индивидуален.

Они сговорились, это ясно, хотят меня под статью подвести. Чем я им помешал?!

— Не нервничайте так, молодой человек, — снисходительно улыбнулся господин Чарак. — Это всего лишь небольшая проверка ваших способностей.

— Спасибо большое, один зомби у меня уже есть!

И я до сих пор расхлебываю последствия его появления.

Некромант дернул седой бровью.

— Труп собаки, — поспешно пояснил Сатал, — последыш гоула.

Мне не понравилось, что о моем псе говорят, как о какой-то отрыжке.

— Весьма неразумно, молодой человек, — осуждающе поцокал языком маг, — экономия сил иллюзорная, не говоря уже о качестве стихийно трансформированной плоти.

Угу, в следующий раз, когда за мной гули придут, я их сортировать буду: первый сорт, второй сорт. Эксперт, его мать!

— Знаешь, дед, внуков своих учить будешь.

А вот это я зря сказал. Глаза старого мага недобро потемнели, а нервы корябнуло присутствие чужого Источника. Мягче надо быть, скромнее...

— Молодой человек немного несдержан, — попытался прийти мне на выручку Сатал, — сейчас он сосредоточится и произведет необходимое заклинание. Он, конечно, понимает, что в его интересах показать себя с лучшей стороны.

...И они будут кататься на мне до старости.

— Мастер, у вас аппетиты, как у Шороха. Дальше только публичный секс!

После моих слов потемнело даже небо. М-да, шутка юмора цели не достигла, сейчас будут убивать.

Сатал и некромант стали ненавязчиво брать меня в клещи, капрал с маниакальной ухмылкой шел в лоб. Покойник к веселью не присоединился.

Это было чистое самоубийство — нарываться на драку сразу с тремя профессионалами, а хоть бы и с одним. Дуэли

черных магов почти всегда для кого-то заканчиваются летально (слишком уж могучие силы призывают на помощь сражающиеся), но мне сейчас на это обстоятельство было глубоко плевать — я успел прикоснуться к своему Источнику, а это и была самая большая ошибка. Способность размышлять тихо издохла, самосохранение взяло отгул. Наверное, единственным способом спастись было упасть на песок и закрыть голову руками, но подчиниться насилию — все равно что умереть, так что для меня результат никак не изменится, а вот им будет кисло. С того света являться буду, упыри дрессированные!!!

— Довольно! — спокойно приказал мистер Пирсон. — Думаю, что нам следует перенести этот разговор. Встретимся еще раз во вторник, так сказать, на свежую голову.

— Поддерживаю, — неожиданно объявил Сатал, поворачиваясь к коллегам. Контуры полуоформившихся плетений, которые он удерживал на самой границе реальности, стали четче.

Капрал прищурился на старшего координатора, а старик поморщился: расклад двое надвое его не устраивал.

— Что, так и будем сопли ему размазывать?

— Вы уж определитесь, — на губах Сатала появилась вежливая улыбка, но глаза оставались холодными как лед. — Вам нужно обучить некроманта или конкурента уничтожить?

Никогда бы не подумал, что боевые маги, изготовившиеся к мордобою, могут замереть в прыжке, но через пару секунд я оказался единственным, кто еще не заткнул Источник. Вот где сила! Такое самообладание простым умом не понять. Моя черная натура все еще бесилась, требуя крови, но жить мне все-таки хотелось больше, и Источнику пришлось уступить. От произведенного усилия я взмок как мышь и трясся.

Эта ненормальная компания разглядывала меня с медицинским интересом.

— Да, — с некоторым запозданием согласился Чарак, — перенесение разговора действительно имеет смысл.

Да чтоб вы все издохли! Кстати, о ядах...

— До свидания, мистер Тангор, — вежливо поклонился

чиновник, — надеюсь, вы обдумаете наше предложение на досуге.

Повернуться к ним спиной я не решился, так и пятился до самого берега, рискуя позорно шлепнуться на пятую точку. На меня никто больше не смотрел, мистер Пирсон что-то спокойно говорил, маги обменивались короткими репликами. Когда дюны заслонили меня от врага, напряжение отпустило, и оставшийся путь до мотоцикла я пределал бегом.

Как бы ни хотелось мне исчезнуть из этого проклятого места немедленно, пришлось ждать еще четверть часа, пока руки не перестанут трястись. Глупо ведь уйти живым из лап колдунов и тут же расшибиться о дерево! Капрал тем временем высвистал из фургона двух санитаров, и индифферентное ко всему тело вынесли с полигона. У меня было достаточно времени для того, чтобы все обдумать и ужаснуться. Нет, не близости смерти.

Я, конечно, с могучими магами дружбы не водил, а из дядки чародей был хиленький, но основным методом контроля над черной натурой для меня всегда было не провоцировать. В детстве мне старательно внушили, в каких ситуациях естественные реакции могут возобладать над разумом, и посоветовали до такого не доводить. То, свидетелем чему я сегодня стал, этой схеме категорически противоречило — трое взрослых черных не могли отступить перед молодым нахалом, раз уж дело дошло до прямых угроз и вызова Источника. Но когда человек (обычный человек!) озвучил рациональный довод, они с ним согласились и отослали Силу, наплевав на бушующий в крови пожар, барабанный бой сердца, застилающую глаза ярость, попросту вывернули свою суть наизнанку, словно половичок вытряхнули.

Нельзя же так над собой издеваться!!!

Нет, я не боялся этих уродов, меня просто мучило от одной мысли о них. Ненормальные они... или наоборот? Что, если Саталу придет в голову потребовать от меня что-то подобное? Убью. Его, себя, всех. Меня упорно преследовало бредовое видение паровоза, остановившегося передо мной лоб в лоб.

Вот почему я никогда не хотел быть волшебником.

Возвращение в город заняло больше времени, чем обычно, и дело было не в осторожности. Мне нужно было поду-

мать, а неторопливое перемещение из пункта А в пункт Б создавало для этого наилучшие условия. Предоставленная отсрочка по-хорошему означала лишь то, что в следующий раз отказ от меня не примут, если я, конечно, не смогу за два дня обзавестись покровителем покруче, чем старший координатор северо-западного региона. Мне просто давали время «дозреть». Их ожидает сюрприз: яд в виде аэрозоля (еще ни разу не пробовал – все мышей достать не мог, но возлагал на него большие надежды), единственное – управлять им трудно, вдруг ветер переменится.

Уже закатив мотоцикл в сарай и раскланявшись с завсегдатаями свалки, я подумал, что какие-то рычаги влияния у меня все-таки есть: это им от меня что-то нужно, а не наоборот, причем силой получить желаемое они не смогут. Стоит попытаться выторговать какие-то приемлемые условия, в крайнем случае упереться рогом. О!! Нажаловаться на них журналистам. То-то пресса будет рада! Даже не обязательно говорить правду, достаточно придумать какую-нибудь омерзительную историю и клятвенно ее подтвердить (например, насчет исчезновения Лорана Пьеро). Фактов мне известно достаточно, предъявлю репортерам Макса, и пусть в НЗАМИПС доказывают потом, что его сделал я. Настроение сразу улучшилось.

Темнота за окнами была разбавлена красноватым свечением газовых фонарей и яркими взблесками магической рекламы, долетающими с соседней улицы. Смысла закрывать шторы не было – четвертый этаж полицейского управления приходился выше крыш соседних домов.

Конрад Бер еще раз окинул взглядом кабинет, проверяя, все ли готово к завтрашней работе: текущие документы ровной стопкой лежали на краю стола, папки с делами заняли свои места на полках шкафа, очиненные карандаши и позолоченное «вечное» перо покоились в подставке. Страсть к порядку сохранилась в Паровозе еще со времен учебки, поэтому сокращение площади кабинета в два раза не сказалось на качестве работы. Разве что стулья для совещаний подчиненным приходилось таскать из бухгалтерии.

Капитан вздохнул – скоро привычки придется менять.